

Разговор по душам

В Магнитогорске вышли в свет издания Владислава Аристов, в которых отразились две главные его творческие ипостаси – писателя и художника: книга прозы «Сцепление: читаю – пишу – рисую» (16+) и каталог графических работ (16+), который включает концептуальные разделы «Светлое и тёмное», «Горное и горнее».

– Владислав Николаевич, прошлый год и весна года нынешнего в Магнитогорске урожайны на новые книги, и две ваши – очередное тому подтверждение. Пандемия дала больше времени побыть наедине с собой?

– Это вопрос очень правильный. Я, как и все, находился в самоизоляции. Живу один, то есть моя изоляция – это одиночество. А я умею заполнять своё одиночество. «Сцепление: читаю – пишу – рисую» – моя семнадцатая книга. Начал писать её лет 30 назад. Я довольно прожорливый читатель. Сейчас, например, одновременно читаю три книги: прозу Николая Лескова, мемуары белорусских партизан и «Этюды и ноктюрны» (12+) Натальи Карпичевой – я в восторге, у неё шаманская поэзия, перед сном обязательно читаю страничку.

– Эти три разнонаправленных оси: русская классика, мемуары, современная поэзия – создают объёмное художественное пространство. Помогает ли оно существовать вам как писателю?

– Ответом может служить книга «Сцепление...». Лет 30 назад, пребывая в таком параллельном поглощении литературы, вдруг задумался вот о чём. Пока читал, жил с книгой и даже в ней, как это происходило с книгами Андрея Платонова, Андрея Битова, армянского писателя Гранта Матевосяна – это мои маяки. Закрыв книгу – и что? Клади на полку и открывай следующую? Меня это перестало устраивать. Я понял, что после чтения должен оставаться какой-то зафиксированный след. И стал писать.

– Живёте в диалоге с любимыми книгами?

– Скорее фиксирую то, что пережил. Гравитация образуется: как у Земли с Луной, так и у меня с книгой, её автором.

– И кто из вас Земля, кто Луна?

– (Смётся.) По-разному, зависит от книги. Например, Владимир Набоков – это же не литература, это мездра логосная!. И пошла цепочка: книга и то, что у меня с ней было. Завёл амбарную книгу и писал. У меня таких два тома исписано за три десятилетия. Александр Павлов даже немножко публиковал эти мои «Беседы с книгами» в «Магнитогорском металле». Мои книги тоже вырастали из читательской почвы.

– Ваше «Сцепление...» – не просто дневник читателя, а история развития души. Было бы здорово, если бы каждый записывал хотя бы вкратце впечатления от того, что читает.

– Конечно! Вот ещё тут какая корысть – потом через 30 лет...

– Вспоминаете себя?

– Да. Причём не просто вспоминаешь, а обнаруживаешь, что в тебе всё это живо, ещё тлеет, никуда не смыло потоком времени. Я оттуда черпаю свежесть сознания, немного молодею. Во время самоизоляции понял: надо это воплотить в книгу.

– Выбрали самое значимое?

– Только так. И важна сама идея книги. Читаю лет с пяти-шести. Пишу – факт, 17 книг выпустил! И рисую – я художник. Отсюда название – «Сцепление: читаю – пишу – рисую».

– Получается, рисунок – сплав умственного и чувственного, квинтэссенция текста. У вас ведь не просто иллюстрации к натуре. Вы не нарисуете Красную Шапочку и волка, а нарисуете сотворение Вселенной с обоснованием причин, по которой Шапочка пошла в лес.

Мистический реализм Владислава Аристов

Справка «ММ»

Владислав Николаевич Аристов (родился 5 ноября 1937 года) – советский и российский художник, прозаик, журналист, путешественник. Заслуженный работник культуры РСФСР. Живёт в Магнитогорске.

В 1960 году окончил Челябинский политехнический институт, ныне – Южно-Уральский государственный университет. В 1960–2000 годах работал инженером-электриком на Магнитогорском металлургическом комбинате.

В 1970 иллюстрации к поэме «Измаил-бей» приобретены Государственным музеем М. Ю. Лермонтова в Тарханах. В 1981 удостоен звания «Заслуженный работник культуры РСФСР», в 1989 – диплома «Золотое перо» газеты «Магнитогорский рабочий». В середине 1990-х вёл литературоведческую рубрику «Беседы с книгами» в газете «Магнитогорский металл».

В 1997 году вышла первая книга Владислава Аристов «Послушник» (16+). Всего же у Владислава Николаевича опубликовано 17 книг, буклет и каталог графических работ.

В 1999–2000 годах Владислав Аристов работал ведущим инженером на строительстве Свято-Вознесенского собора в Магнитогорске.

Особое место в творчестве Аристов-писателя и Аристов-художника занимают горы. Программно-ключевыми путешествиями он называет поездки в Карачаево-Черкесию, Северную Осетию, Дагестан, Чечню, Хевсуретию.

Произведения художника Владислава Аристов хранятся в Государственном музее-усадьбе М. Ю. Лермонтова в Тарханах, Государственном музее народного творчества в Суздале, Магнитогорской картинной галерее, в частных коллекциях России, Польши, Франции, Японии, США.

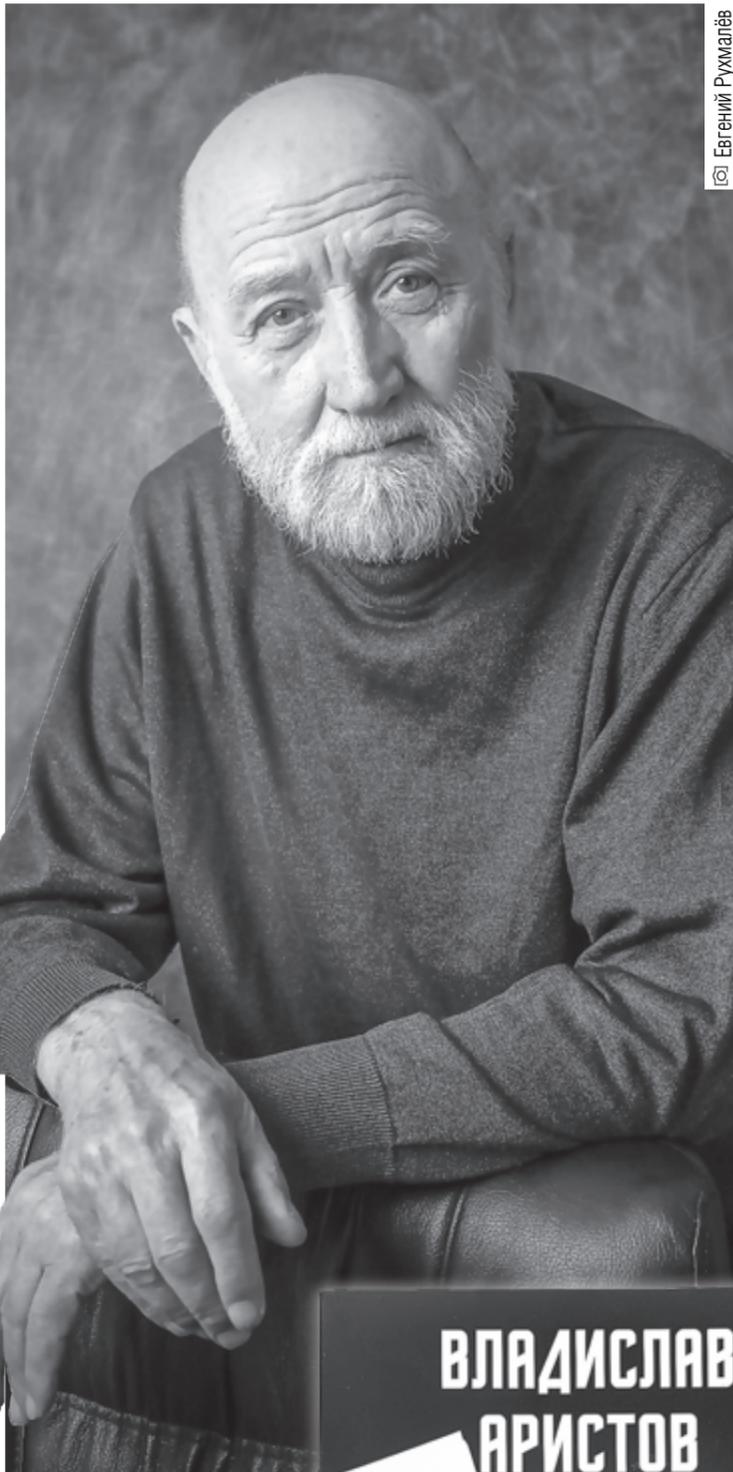
Сверхидея творчества писателя и художника – духовное странничество, путь к свету

– (Улыбается.) Я и так так рисую. Кстати, в глубоком детстве любил русские народные сказки читать, там были очень хорошие рисунки, до сих пор их подробно помню.

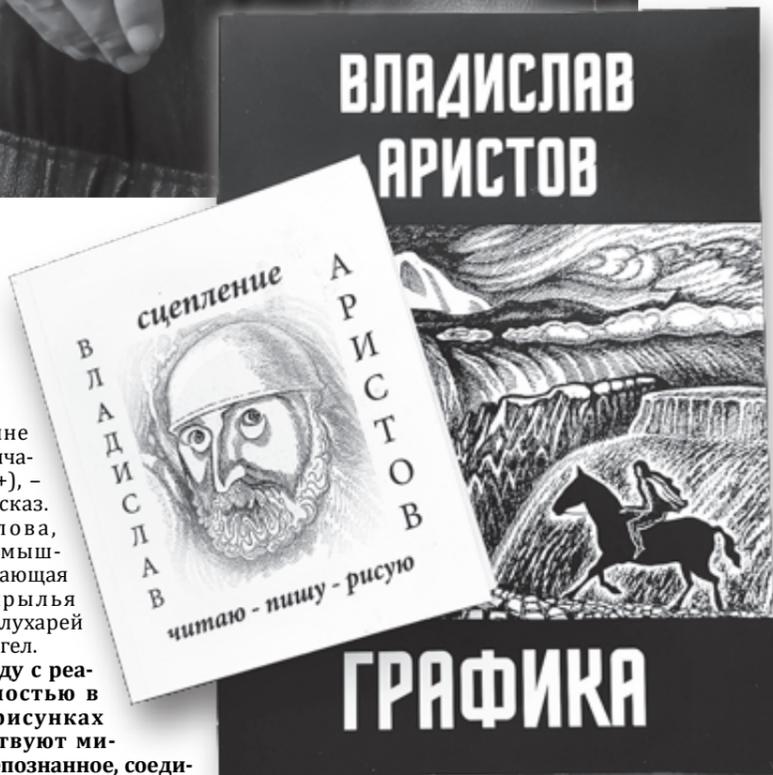
Вот «Разговор с Пирузой» – документальный рисунок: я, хевсурский чабан, собаки – это целый рассказ. «В гостях у бабы Ани» – мой старший сын Андрейка и множество мелких деталей – эмалированные кружки, на верёвочке грибы сушатся. А за окном – лодка, плывущая по реке, и храм на другом берегу.

– Ощущается настроение. И ещё – вспоминаю, как в школе писали сочинения по картинам. По вашим рисункам можно легко написать целый рассказ. При этом их можно назвать философскими размышлениями, нарисованными гелевой ручкой на бумаге.

– Мои рисунки логосные: философия – это логос. «В горной хижине» – это моя хижина «Подкова», давшая название и документальному филь-

© Евгений Рухманов

му обо мне Игоря Гончарова (16+), – тоже рассказ. Моя голова, чайник, мышка, догорающая свеча, крылья убитых глухарей – и тут ангел.

– Наряду с реалистичностью в ваших рисунках присутствуют мистика, непознанное, соединение земного и духовного плана.

– Лики, проступающие в горных пейзажах, светлые и тёмные сущности рисовал с природы. У меня языческое восприятие природы – как у предков, живших с ней в гармонии. Для меня дерево – это какая-то сущность: корнями оно ловит вибрации ядра Земли, а кончиками ветвей испускает энергию в космос.

– Как человек?

– Мы-то обулись, изолировались, а у дерева всё обнажённое.

– Почему в вашем каталоге всего сорок работ?

– Я не сторонник излишнего многообразия. На выставках художников перестал ходить: посмотрел первую картину, а на последней её

уже забыл. Мне хочется, чтобы мою первую работу помнили и в конце просмотра.

– Владислав Николаевич, по какому принципу вели отбор?

– По принципу эстетических достоинств. Проще сказать – лучше за последние годы. Среди самых дорогих мне работ – «Святогорье». Задумчивый Пушкин на древнем кладбище, которое я рисовал с природы, – был в тех местах.

– Вам ведь всегда был ближе Лермонтов?

– Намного. Пушкина я обрёл в пандемийный год – «Евгений Онегин», письма... Но «Святогорье» появилось ещё в 2014-м. А вот «Сон ветра», выросший из наброска в степи недалеко от Верхнеуральска... В моей однокомнатной квартире стены увешаны графикой. Однажды задумался: а что будет после меня? Графика пополнит фонды Магнитогорской картинной галереи, но часто ли её будут видеть люди? Так появилась идея издать каталог. Уже подарил экземпляр картинной галерее, а скоро и каталог графики, и книга «Сцепление: читаю – пишу – рисую» появятся в городских библиотеках. Также отправил их в Санкт-Петербург и Оренбург, где немало моих читателей.

– Один из лейтмотивов вашего творчества – горы. А что было сначала: тяга к духовному или стремление к горным вершинам?

– Мысль должна быть зрячей. Вначале я их увидел. Великая Отечественная война, мне четыре-пять лет. Новоселный – посёлок репрессированных, все эти сарайчики, стайки. Я залез на одну стачку и увидел голубую линию на горизонте. Не понял, что вижу: то ли это небу принадлежит, то ли земле. Мне потом растолковали: это горы. И я на них запал – с тех пор без гор никак. Гималаи, Альпы, Кавказ – для меня это танец планеты.

– Почему говорят, что в горах виднее истинное и ложное, главное и наносное?

– Потому что происходит обретение высоты. Когда ты на вершине, выше ничего нет. Только Вселенная. Обретение такого видения иногда невыносимо.

– Обостряется восприятие?

– Очень! Беда, которая сейчас навалилась на людей по всему земному шару, – мне страшно за людей. Бедой для меня были и распад Советского Союза, и чеченские войны – я же до этого Чечню прошёл пешком от Грозного до Грузии, общался с местными жителями, потом переживал, что с ними стало... Творчество – попытка выжить и больше ничего.

– Над чем работаете сейчас?

– Пишу книгу «Исток». У меня есть узкий круг друзей – горотопы, от слов «гора» и «топать». Вместе поехали искать исток Урала у подножия горы Круглой за Учалами и не добрались всего четыре километра – бездорожье. Исток остался за горизонтом. И я стал писать об Истоке в высоком понимании слова. Как я пишу в предисловии к своему каталогу графики, работаю над книгой «Исток», пока она не воплотится в «Устье»...

– Недавно гулял по скверу Ручьёва и увидел родителей с малышом. Он бегал и прыгал по лужам, они не запрещали – так редко бывает. И я подумал: растёт такой же духовный странник, как я.